

Решетников Федор Михайлович

**Свой хлеб: Роман в 2
частях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Михайлович Р.**
Свой хлеб: Роман в 2 частях / Решетников Федор Михайлович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 536 с.

ISBN 978-5-519-80644-2

ISBN 978-5-519-80644-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ ситцевомъ халатѣ съ черною трещеткою подъ лѣвою мышкой и съ толстою палкою въ лѣвой рукѣ.

— Я тебѣ дамъ:—кто идетъ! ослѣпъ, что ли? сказалъ мужчина въ халатѣ.

— А!! много рыбы-то, Кузьма?

— Вся тамъ! и онъ указалъ рукой по направленію къ рѣкѣ, но размахнулся такъ, что упалъ. Подъѣхала телѣга. Въ телѣгѣ лежали березовыя полѣнья, накладенныя на скорую руку; рядомъ съ лошадыю шелъ мужчина въ рваномъ пальто. Всѣ обѣялись „добрымъ здоровьемъ“, а караульщикъ проговорилъ:

— Попадешься же ты когда-нибудь! У кого сляпиль!

— Э-э!... Небось, заворуешь! Лѣсу сколь, а рубить не велятъ. Почему нонѣ дрова-то? Три!

— Што и говорить: времена нонче куды какъ тяжелы. Вотъ опять гляди кабы желѣзную дорогу не стали строить: тогда по пяти заплатишь. Не даромъ я и изъ Егорьевска сюда переселился—раззоръ одинъ: эта чугунокъ все къ рукамъ прибрала. Ужъ я смѣкаю, не посоль ли какой отъ чугунокъ и пожаръ-то у насъ учинилъ: вѣдь тридцать-два дома сгорѣло, страсти Господни!

— Бѣда. Вотъ теперь и бани запечатали; караулить велятъ днемъ и ночью... А ты погляди, сами-то они что дѣлаютъ? Вонъ исправникъ, да казначей и прочіе по улицамъ ѣдутъ — сигары курятъ, а какъ нашъ братъ съ трубкой выйдетъ за ворота — такъ въ полицію тащатъ. Самосуды! Да я, братъ, на сѣнникѣ постоянно съ трубкой спать ложусь и ничего — Богъ хранить, потому что я знаю, какъ надо курить.

— Вотъ стало быть, братъ, ты и поджигатель! проговорилъ чиновникъ и прибавилъ:—пойдемъ-ка въ полицію.

— Ты еще что за птица?

— Та и птица, что скоро женюсь на дочери виннаго пристава Яковлева.

— Это и видно: у Яковлева-то сегодня крестины, а ваше благородіе и не приглашены видно.

— Дуракъ! приглашали, да не пошелъ, потому что я въ ссорѣ съ головой, а голова приглашенъ кумомъ.

Чиновникъ пошелъ дальше.

— Ты слышалъ? спросилъ онъ Кузьму.

— Чего?

— Что у пристава крестины!

— А!!

Больше Кузьма не въ состояніи былъ говорить: онъ шелъ почти съ зажмуренными глазами, упираясь на чиновника.

— Вѣдь это обидно! Я женихъ; онъ выдаетъ за меня Марью, и вдругъ не пригласилъ... Онъ даже скрылъ отъ меня, что у него сегодня крестины. Какъ ты объ этомъ думаешь?... И какъ это я не узналъ! А еще хожу мимо ихняго дома!

Товарищъ молчалъ.

— Надо на попятный дворъ. Не такъ ли?

— Именно.

сейчасъ обругаю его противъ его же дома.

— Ну... Охота!

— И обругаю! Я дворянинъ, а онъ что!... Я помощникъ бухгалтера въ казначействѣ, а онъ подъ судъ отданъ за старую службу. У него теперь десятая родилась; пусть-ка онъ вырастетъ... Нынче, братъ, должность не скоро получишь, а женишковъ и подавно хорошихъ не скоро найдешь. Я ему утру же носъ-то... Видишь? и чиновникъ остановился.

Направо противъ ихъ, черезъ дорогу, стоитъ девятиконный каменный домъ. Половина верхняго этажа освѣщена, въ четырехъ окнахъ мелькаютъ тѣни, а изъ пятого, отвореннаго, слышится пискъ двухъ скрипокъ. Изъ двора слышится ржаніе лошадей.

— Видишь?! произнесъ злобно чиновникъ: — танцуютъ, на скрипкѣ пилать... А я-то что же такое?

Кузьма очнулся, глянулъ на домъ и промывчалъ что-то.

— Нѣтъ, ты пойми: какъ они безъ меня могли? Теперь Машка съ казначеемъ танцуетъ... Пойдемъ!

— Куда?

— Къ нимъ.

— О-охъ, вы полуношники! Велика бѣда, что не пригласили.— Оно еще къ лучшему; у васъ поди и на зубокъ-то нечего положить, проговорила женщина, сидящая съ трещоткой у воротъ трехъкооннаго низенькаго деревяннаго дома, около котораго стояли чиновникъ и Кузьма.

— Ахъ, это ты Зелениха!

— Караюлю, батюшка... Да вотъ съ этой музыкой да съ ребятишками своими смучилась: не спать, на улицу просятся. А вы, Никандро Ивановичъ, слышали новость?

— Какую?

— А еще женихомъ себя величаете: вѣдь Дарья-то Андревна убѣжала изъ монастыря. Ихняя кухарка сказывала мнѣ сегодня. Самъ-то письмо отъ игуменьи получилъ. Вотъ что-съ!...

— Неужели?

— Врать, что ли, стану! Сегодня вечеромъ мнѣ даже ихній дворникъ сказывалъ. Всѣ, говорить, какъ узнали объ этомъ — письмо, слышь, получили — чуть не перегрызлись.

— Странно... Какъ же говорили, что она уже въ монашкахъ?

— Вотъ то-то, что они васъ хотѣли надуть!

— Ну, ты ужь, пожалуйста!.. Я вѣдь и... И онъ замахнулся.

— Мнѣ все равно; только врядъ ли вы много получите въ приданое! Вотъ вамъ лучше бы на Дарьѣ Андреяѣ жениться...

— Ты думаешь?

— Да еще не пойдетъ.

— Почему?

— Потому, что она умнѣе и бойчѣе васъ.

— Ну, братъ... Да ее, поди, и на домъ не пустятъ.

— Богъ ее знаетъ. Говорятъ, она беременна ужъ.

— Што-о ты!! Вотъ тебѣ и покорно благодарю!!!

— Ей-Богу... И я этого не ожидала, а жалко! Если она сюда прїѣдетъ... Да нѣтъ, нельзя!

— Да можетъ быть это враки: можетъ, мачиха нарочно разславляетъ.

— А можетъ быть. Только я думаю, какъ она жить будетъ? Она еще передъ отъѣздомъ говорила мнѣ, что ей хочется работать. Но если это такъ, такъ это одна дурь: попробовала бы она поработать по нашему... Свой-то 'хлѣбъ о-её какъ тяжело достается.

Отворились ворота; изъ двора выѣхали гости, мужчины и дамы. Въ домѣ погасли огни, заперли окна.

Пока гости выѣзжали, чиновникъ ушелъ во дворъ. Стало порядочно свѣтло. За выѣздомъ гостей, крестя ротъ и зѣвая, ушла спать и Зелениха.

Вдругъ слышался съ рѣки свистъ парохода, а черезъ полчаса на улицѣ, по направленію къ яковлевскому дому, шла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ сѣренькомъ бурнусѣ, въ круглой шляпкѣ и съ большимъ узломъ.

ГЛАВА I.

Городъ Ильинскъ и его обитатели.

Городъ Ильинскъ расположенъ въ полверстѣ отъ рѣки Волги на лѣвомъ ея берегу, на возвышенномъ мѣстѣ. Въ немъ, съ достовѣрностью можно сказать, жило, въ описываемое время, не

больше шести тысяч жителей обоего пола и были двѣ церкви и кладбище. Затѣмъ онъ ничѣмъ не знаменитъ, но какъ городъ старинный, извѣстенъ тѣмъ, что много разъ выгоралъ.

По наружности своей онъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ маленькихъ русскихъ городовъ. Каменныхъ домовъ въ немъ штукъ восемь,—остальное строеніе, за исключеніемъ церквей, деревянное. Но за то у рѣдкаго дома нѣтъ садика. Тротуары существуютъ только у двухъ большихъ домовъ; ночью улицы не освѣщаются, кромѣ праздниковъ, когда обыватели ходятъ въ церкви; на крышахъ домовъ стоятъ кадки, большею частью пустыя и разохшіяся; на окнахъ непремѣнно красуются банки съ какими-нибудь цвѣтами и растеніями. Оживленія немного, кромѣ субботы, когда каждый изъ жителей запасается провизіей на рынокъ на всю недѣлю. Хотя кое-гдѣ и стоятъ столбы, но фонарей на нихъ нѣтъ; фонари эти красуются только во время пріѣзда въ городъ губернатора, а потомъ исчезаютъ снова. Сверхъ того, городъ оживляется по утрамъ и вообще въ то время, когда мальчики идутъ въ училища—уѣздныя и приходскія (свѣтскія) и обратно, и служащій людъ стремится на службу и со службы, да по вечерамъ въ хорошіе лѣтніе дни, когда любители сильныхъ ощущеній прохаживаются на берегу рѣки по аллеѣ, а другіе, почти все населеніе, высыпаютъ за ворота съ какою-нибудь легкою работою, съ яблоками или грушами, ѣдятъ, курятъ и толкуютъ о своей бѣдности, о плутняхъ купцовъ и должностныхъ чиновниковъ, и сплетничаютъ другъ на друга. Трудовая, тяжелая жизнь видится по преимуществу только на берегу рѣки, гдѣ складываютъ и откуда увозятъ черезъ городъ разные товары; въ самомъ же городѣ, кромѣ трехъ-четырехъ кузницъ, ни фабрикъ, ни заводовъ не существуетъ; даже рѣдко можно увидать новый строящійся или старый поправляемый домъ. Городъ самъ ничего не производитъ, а только потребляетъ

для себя то, что достанетъ на своей площади изъ амбаровъ-магазиновъ, или изъ другихъ городовъ, болѣе его развитыхъ въ промышленномъ отношеніи. Впрочемъ, сады даютъ фрукты, пчелы медъ и воскъ, нѣсколько человѣкъ разводятъ табакъ и дѣлаютъ его удобнымъ для куренія и нюханія; но все это находится въ избыточномъ состояніи и продается на берегу рѣки судорабочимъ и пассажирамъ, а во время ильинской ярмарки на площади и сельскимъ жителямъ въ самомъ небольшомъ количествѣ.

Большинство жителей состоитъ изъ мѣщанъ, меньшинство — изъ купцовъ и лицъ, служащихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Первые большею частію торгаши и люди занимающіеся чѣмъ-нибудь; всѣ роды ремеслъ находятся, за очень небольшими исключеніями, въ рукахъ мѣщанъ, которые такимъ образомъ кормятся какъ отъ купцовъ, такъ и отъ людей, занимающихся коронною службою, а эти послѣдніе кормятся жалованьемъ и сильными приношеніями купцовъ и мѣщанъ, если только послѣдніе имѣютъ съ первыми дѣловыя сношенія. Большая часть домовъ принадлежитъ купцамъ и мѣщанамъ, самая меньшая чиновникамъ, потому что купцы наживаютъ капиталъ всякими неправдами, а мѣщане не гнушаются никакими черными занятіями, и жены ихъ, кромѣ того, снабжаютъ холостыхъ чиновниковъ и небогатые семейства молокомъ и овощами, стираютъ бѣлье, моютъ полы, а нѣкоторые продаютъ на берегу хлѣбъ. Чиновники же, кромѣ своей службы, ничѣмъ не занимаются и дома что-нибудь имѣютъ тѣ, которые тутъ выросли или получили эти дома въ приданое за женами.

Мѣщане съ давнихъ временъ считаютъ себя силой и въ то же время людьми самыми обиженными силой — потому, что они въ прежнія времена защищали не только свой городъ, но и другіе города, униженными — потому, что имъ не давали тѣхъ правъ, какими пользовались чиновники. Но такъ-какъ изъ этого поло-

женія выбиться не было возможности, а число ихъ и чиновниковъ съ каждымъ годомъ возрастало, то многимъ изъ нихъ пришлось коротать жизнь очень бѣдно, употребляя въ пищу ржаной хлѣбъ съ нескомъ, мелкую рыбу, горошницу и тертую рѣдку съ квасомъ, потому что доставать заработокъ приходилось не всѣмъ и часто хорошій портной сидѣлъ безъ дѣла по недѣлѣ и по двѣ, а рѣдка давала средства только лѣтомъ, рубить же воровски лѣсъ сдѣлалось опасно. Если и бывали порядочные заработки, то деньги уходили на подарки чиновникамъ за дѣла, на угощенія въ большіе праздники, почему многіе мѣщане находились въ кабалѣ у кулаковъ-купцовъ. Кромѣ этого, у рѣдкаго не было коровы и слѣдовательно приходилось покупать сѣно. По всѣмъ этимъ причинамъ, мѣщане очень враждебно относились къ чиновному классу и къ купцамъ, чему много способствовало, во первыхъ, то, что почти половина мѣщанъ принадлежала къ раскольникамъ, а во вторыхъ, то, что жителство этихъ раскольниковъ, находившееся въ прежнее время подъ горой, теперь было занято подъ склады товаровъ.

Еще до основанія города, подъ горою была расположена слобода, жители которой, считая себя свободными людьми, занимались преимущественно рыболовствомъ и весной снабжали хлѣбомъ всѣхъ плававшихъ мимо города людей. Нельзя сказать, чтобы они были миролюбиваго характера. Впослѣдствіи, съ наплывомъ людей служилыхъ и пріѣзжихъ купцовъ они были причислены къ городу и названы мѣщанами. Мало-по-малу, всѣ невзгоды обрушились главнымъ образомъ на нихъ. Отъ нихъ стали требовать и денегъ, и рекрутовъ, и услугъ; купцы же стали эксплуатировать ихъ. Съ временемъ, эта вражда усилилась до того, что каждый мальчикъ и дѣвочка изъ слободы видѣли въ городскомъ мальчикѣ или дѣвчкѣ врага. Вообще, слободскіе мѣщане слыли чуть-чуть не за разбойниковъ, такъ что

черезъ слободу даже днемъ ходить было небезопасно, и если въ городѣ случались кражи и убійства, то это приписывалось имъ. Мало-по-малу, однакожь, городскіе купцы и торгаши-мѣщане такъ прижали слобожанъ, что они поневолѣ должны были уступить, и стали пускать въ свои дома на квартиры чиновниковъ и родниться съ ними, но на самомъ дѣлѣ стоило было задѣть чѣмъ-нибудь одного мѣщанина изъ слободы, какъ поднималась вся слобода, и эта вражда оканчивалась только какимъ-нибудь престольнымъ праздникомъ въ городѣ, когда горожане изъ послѣднихъ своихъ достатковъ до отвалу кормили и до безчувствія поили своихъ знакомыхъ мѣщанъ изъ слободы. Къ чиновникамъ, какъ слободскіе, такъ и городскіе относились не одинаково. Нѣсколько человѣкъ изъ чиновниковъ даже пользовались общимъ расположеніемъ, какъ люди старые и никуда не выѣзжавшіе изъ города. Съ семействами-то этихъ чиновниковъ и роднились мѣщане. Другіе-же чиновники состояли изъ пріѣзжихъ, и эти пріѣзжіе никогда не пользовались расположеніемъ мѣщанъ, и если послѣдніе замѣчали, что какой-нибудь изъ пріѣзжихъ ухаживалъ за слободскою дѣвицей, то принимали мѣры, чтобъ у него отпала всякая охота даже проходить черезъ слободу.

Теперь этой слободы нѣтъ и слобожане слились съ горожанами, построивъ на пустопорожнихъ мѣстахъ дома. Со времени уничтоженія слободы по приказу начальства, которому почему-то не понравились ветхіе домики подъ горой, вражда мѣщанъ къ чиновникамъ возрасла больше. Но за то, слобожане, не имѣя возможности властвовать надъ рѣкой, какъ прежде, стали сдержаннѣе и, скрѣпя сердце, занялись ремеслами. Поэтому теперь все роды ремеселъ находятся въ рукахъ мѣщанъ. Если же сюда и заѣзжаетъ какой-нибудь аферистъ, то недолго онъ живетъ въ городѣ, и уѣзжая не только ничего не наживши, но даже проживши привезенныя деньги, проклиная Ильинскъ.

Что касается до интеллектуальныхъ удобствъ города Ильинска, то въ немъ существуютъ приходское и уѣздное училища, основанныя за десять лѣтъ до начала настоящаго разсказа. Въ этихъ училищахъ учатся мальчики всѣхъ классовъ, но кончаютъ курсъ только дѣти чиновниковъ, мѣщанскія же дѣти болѣею частію заканчиваютъ обученіе или приходскимъ училищемъ, или первымъ классомъ уѣзднаго училища, а дѣти купцовъ иногда доходятъ и до втораго класса. Для дѣвочекъ училищъ не существуетъ и поэтому меньшинство ихъ обучается дома.

ГЛАВА II,

ВЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ СЪ АРИСТОКРАТІЕЮ ГОРОДА ИЛЬИНСКА НА КРЕСТИНАХЪ ВЪ ДОМѢ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ЯКОВЛЕВА.

Въ каждомъ городѣ, большомъ и маленькомъ, значительномъ и ничего незначащемъ, непременно существуетъ, если не нѣсколько, то по крайней-мѣрѣ одинъ домъ, чѣмъ-нибудь отличающійся отъ другихъ. Такъ и въ Ильинскѣ каждый житель знаетъ съ-измалѣтства о четырехъ домахъ: о домѣ виннаго пристава Яковлева, о домѣ протопопа Григорія Ивановича Пьянкова, братъ котораго и по настоящее время служитъ гдѣ-то въ санѣ епископа, о домѣ уѣзднаго судьи Крюкова и о домѣ купца Зиновьева. Но изъ всѣхъ этихъ домовъ больше всего извѣстенъ и славится домъ нынѣшняго виннаго пристава, назадъ тому два года бывшаго уѣзднымъ стряпчимъ, Андрея Ивановича Яковлева. Домъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе девятью окнами въ верхнемъ этажѣ, какъ съ улицы, такъ и съ площади, съ цвѣтами и бутылками на окнахъ, выходящихъ на

площадь, и съ разбитыми стеклами въ окнахъ нижняго этажа. Въ окнахъ этого нижняго этажа сдѣланы чугуныя съ рѣзбою рѣшотки. Онъ обращаетъ на себя вниманіе каждаго новопривышаго въ городъ своею высокою деревянною крышею, ничѣмъ не окрашенною, а также своимъ большимъ садомъ и заплотомъ вокругъ него, наверху котораго торчатъ остріемъ вверхъ огромные гвозди. Этотъ домъ никогда не принадлежалъ какому-нибудь графскому или древнему дворянскому роду, такъ-какъ въ Ильинскѣ такія знаменитости рѣдко жили, несмотря на живописные берега, на рѣку и на то, что въ уѣздѣ его есть много дворянъ-помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе, это все-таки домъ древній. Говорятъ, что въ немъ прежде жилъ намѣстникъ города и въ нижнемъ этажѣ помѣщалась городская тюрьма, въ которую сажали воровъ и другихъ обвиняемыхъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ людей и изъ другихъ мѣстъ; что эта тюрьма считалась самою крѣпкою, не потому, что въ нижнемъ этажѣ были рѣшотки, а потому, что подъ нижнимъ этажемъ находились темные подвалы, куда запирали преступниковъ, которые тамъ большею частію и умирали, не дождавшись суда надъ ними. Послѣ пожара, отъ котораго остались только однѣ стѣны, эти стѣны стояли нетронутыми нѣсколько лѣтъ. Въ пустыхъ площадкахъ на полуразрушившихся печахъ и стѣнахъ обитали голуби, галки и вороны, а деревенскіе жители, неимѣвшіе въ городѣ пристанища, частенько ночевали тамъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; казна не имѣла средствъ возобновить домъ, со стороны же покупателей на него не находилось. Мало по малу, горожане стали извлекать изъ него небольшую выгоду: такъ они выломали рѣшетки и продали ихъ, стаскали печные кирпичи и даже принялись-было за стѣны.

Лѣтъ десять сряду оставленный домъ служилъ для суевѣрныхъ людей источникомъ неисчерпаемыхъ толковъ. Всѣ женщины были убѣждены, что тамъ по ночамъ живутъ кикиморы, что